
Олег ВАЩАЕВ

* * *

Старый цирк, центральный рынок, переулочки.
Летний садик, Медный всадник, променад.
И Атланты у Невы как караульные,
а Ваганты у Ваганькова стоят.
Семь часов в пути — и церкви златоглавые,
Поднебесный перегуд и перебор.
И выносят мозг державные легавые,
и линяют коммерсанты за «бугор».
Растворяются, с деньгами и подарками,
между штатских и «конторских» должностей.
Петербург чадит в «колодцах» и под арками,
а фасадами приветствует гостей.
А Москва освободит от одиночества
и любого без труда уговорит.
Всем нельзя, а ей — не очень-то и хочется.
В рот положит, дальше побежит.
Отдаешься? Если нет, тогда проваливай.
Понаехавших всегда полным-полно.
Согласился — открывай, смакуй, наяривай.
Сладкий вермут, терпкое вино.
Петербург — не исподлобья, хоть и пристально,
Безошибочно оценит на глазок.
По-отечески поддержит, пусть и мысленно,
Твой подъем с переворотом и соскок.
А Москва... она сегодня беспардонная.
Можно все, что не попало под запрет.
Сплошь духовная, по-дружески сословная.
Полночь близится, а кормчего все нет.

* * *

Мимо вздыбленной лошади на глыбе гранитной,
туристической площади безупречно открытой,
уходящей природы переднего ряда,
Института культуры и Летнего сада,
я на Марсово, в марево, ровно в полдень, шагнул,
где солдатики маялись, но несли караул.

Олег Александрович Ващав родился в 1970 году в Норильске. Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького (поэтический семинар Е. Б. Рейна). Публиковался в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «День и ночь» (Красноярск) и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Упоенно, обманчиво, словно снег на полях,
словно тихая Гатчина, при русских царях —
громыхнул, как подорванный, и ушел в тишину,
под багрово-бордовыми облаками, ко дну —
знак былого напора и конкретный сигнал.
Развернулась «Аврора», содрогнулся Финвал.
И прозрачный, как стеклышко, за гранитной плитой,
как утиное перышко, исчезал под водой.

* * *

Бетховен не слышит. Общается письменно.
Играет, как дышит, прицельно и пристально.
В упор не глядит, но доводит до крайности.
А реквием пишется в тайной тональности.
Играет размеренно, в лунном сиянии,
от злобы и зависти на расстоянии.
Неподлинный реквием — не помешательство.
— Помочь по-приятельски, Ваше мечтательство? —
ужасный Сальери достоин презрения...
А Моцарт, как правило, вне подозрения.

* * *

Любая страсть иссушает душу.
Гортань пересохнет, потом язык.
Так, мореход вернулся на сушу,
А там, как Брат говорил, кирдык
всему, что давно мореход оставил,
легко и властно держа штурвал.
Представь, что ты — это он. Представил?
Пришел, увидел и потерял.
Не удивляйся. Не отклоняйся.
Молчи и слушай, гляди в трубу.
Одно и то же? Не сомневайся.
Меняют имя, но не судьбу.
Чем дальше в море, тем ярче звезды.
Чем ближе к дому, тем веселей.
Так было раньше, так будет позже.
Течение вынесет, Одиссей.

* * *

Я целую гитару, как целуют икону,
мой терновый венец и лавровый венок.
«Изменяю» ненароком — роняю «корону».
Редкий случай и очень хороший урок.

Не ревнует. Доверие — страшная сила.
Красота — это только причина спешить.
Красота — это то, что естественно было.
А доверие нужно еще заслужить.
Перебором и боем, щипком и ударом.
Закрываю в объятия, касаюсь щекой.
Однолюб, понимаешь. Стихи и гитара —
половинки души, как поток и покой.
Говорят об одном, ближе к телу и дому.
Расправляю струну, направляю колки.
Я живу по любви. Не хочу по-другому.
По велению сердца, по зову строки.

ЭПИТАФИЯ

Фейербах, Шопенгауэр, Ницше.
«Вулканический» сверхчеловек.
Не воинственный демон, а нищий
духом ангел, не падший, не лишний.
Не «Титаник», а Ноев ковчег.
Он верил в Любовь, как в Бога.
ТУДА ему и дорога.